

11 МАЯ 1980

СОВЕТСКИЙ РАДИО МОСКВА

НА письменном столе лежали две пьесы. Одна из них уже обрела свою сценическую жизнь в двух периферийных театрах, а вскоре будет показана в Москве, в Центральном детском. Вторая только что закончена. «Никто не позовет» — филологическая сказка-притча, «Таланты и полковники» — психологическая драма с элементами политического памфлета.

А раньше? Фильмы «Доживем до понедельника» и «Ключ без права передачи», телефильмы «Перевод с английского» и «Зашифрованные», пьесы «Побег в Гренаду» и «Репетитор»... И в каждой, из них к тому же — некое удивительное ощущение поэзии.

Впрочем, со стихов все и началось. Трудно сказать, как бы сложились его биография, не будь страстного увлечения поэзией. Десятиклассником он стал победителем филологической олимпиады в МГУ. Писал о Маяковском, закончил сочинение собственными стихами. Потом, став студентом филолого-иностранных факультета Московского областного педагогического института имени Крупской, иногда публиковал стихи в «Неделе»... Однажды, отдыхая в Плессе, познакомился с Роланом Быковым, без конца читал ему стихи — свои и чужие. Вероятно, Быков почувствовал в его стихах что-то настоящее. Потому, вернувшись в Москву, он взял Полонского за руку, привел в Студенческий театр МГУ, которым в то время руководил, и просто, но весомо заявил участникам труппы: — Вот вам зазлит!..

Завлит с твердостью, свойственной юности и собственному характеру, принялся за работу. А Быков, так случилось, ушел из театра в кино, и в старом доме на Моховой появился новый худрук — Сергей Юткевич... Срочно понадобилась молодежь для пьесы — именно срочно, и чтоб с «кипачими» проблемами и характерами, и чтоб автор отдал университетцам право первой постановки, да при этом и бесплатно. И Юткевич, и зазлит тщетно, искали такую пьесу, пока, наконец, глотающийся завлит не решил пойти по пути «наименьшего сопротивления» — сел и сам написал пьесу. За две недели. В двух общих тетрадках. От руки. И не без трепета представил ее на суд Юткевича и студийцев. Неожиданно Юткевич сказал, что пьеса очень даже подходит. Называлась она — «Сердце у меня одно»...

Конечно, в чем-то эта драматическая глосса была автобиографична. Там тоже герой писал стихи, но его, правда, не печатали, и он страшно убивался по этому поводу. Его одолевали конфликты и сложности с родителями, не любила любимая девушка, и он, наконец, решился отправиться «нравственно мужать» на целину, где и «мужал» достаточно быстро, что было самым неубедительным в пьесе — из-за отсутствия у меня литературного опыта и стремления «выложить» поскорее все свои наблюдения, что были накоплены и личным пребыванием на целине... Но спектакль (тут уж не моя заслуга) имел успех, и я, окрыленный, решил попробовать себя в драматургии дальше...

Лирическая хроника «Два вечера в мае» была поставлена в Академическом театре имени Моссовета тремя годами спустя, а 65-м, когда сам автор продолжал преподавать английский язык в 521-й школе в Черемушках... В том же 65-м году Георгий Полонский поступил на Высшие сценарные курсы в творческую мастерскую киносценариста Иосифа Ольшанского.

— Да, я рвался именно к Ольшанскому! — рассказывает Георгий. — Рвался, потому что мне было бесконечно близко то, что он сделал в фильмах «Дом, в котором я живу» и «А если это любовь?» И

просьбами: мол, дайте ему еще и рычаг, и точку опоры... В Сиракузах не оказалось под рукой такого инвентаря, и все осталось по-прежнему... Шучу, конечно. Но думаю, что и сами учителя лукавили, говоря про экранный класс. Они-то прекрасно понимали, что это класс очень сложный. А привлекал он тем, что в нем не было «серых» ребят. Я убежден, что, если в классе вот уже несколько лет работает такой Мельников, лицо класса определяется чем угодно, только не серостью. Но и по собственным «духотподъемным» усилиям в годы учительства знаю, что самые благие порывы далеко не всегда приводят

ность этого поколения, именуемого акселератами. Их еще предстоит разгадывать и разгадывать. Они, к примеру, более информированы, внешне более самостоятельны, но при этом не чужды упрощенчеству — очень опасная тенденция. Скажем, нежелание признавать никакой правды (или драмы!) за нелюбимой учительницей химии или мамой Юли Баюшкиной. Значит, для них уже почти не существует правды, выраженной древним латинским изречением: «Пусть будет выслушана и другая сторона». Тревожная эта тенденция просматривается прежде всего в лидере этих ребят, в Марине Максимовне, затем — в Юле, ее зеркальном отражении. Конечно, это тенденция, а не закономерность. И все-таки нельзя равнодушно проходить мимо нее...

— Ребята переживают период брожения. Это сложно, это необходимо, так оно и есть в жизни...

— Да, брожение, безусловно... — Полонский неожиданно останавливает собственную фразу и переходит на стихи. — «Все выдержу и все переживу. Муть, как в стакане, тихо отстоится. Отчетливо тогда я назову то смутное, что на душу клубится...» Евгений Винокуров, лучше, пожалуй, не скажешь... Да, вот так они «бродят». Одни — с тревогой, что слишком в себе уверены, другие — что слишком не уверены в себе.

— Пожалуй, в значительной степени эти черты свойственны и героям пьесы «Репетитор».

— Здесь я бы хотел, чтобы мои герои терзались не напрасно, чтобы ошибка их личных двух истин рождала для зрителя некую третью... Какую именно? Нет, мне не определить ее четкой формулой. Просто речь идет об усилении каких-то межэпических барьеров, разъединяющих людей, о мало-мальском увеличении объема души — чтобы уметь чувствовать за другого, оставаясь самим собой...

— Собственно, доля этого есть и в притче «Никто не позовет».

— Конечно...

— А о чем «Таланты и полковники»?

— И этой пьесе безразлично то, о чем я только что говорил, хотя материал совсем иной. Действие происходит в вымышленной неонацистской стране Каливернии, находящейся где-то между Карибским морем и Магеллановым проливом. Ее героиня — пятнадцатилетняя Мария Корнелия. Я не стану пересказывать содержания, скажу лишь об основной мысли — о несовместимости фашизма и истинного творчества. Проблема актуальная, и на ней можно и должно рассматривать нравственные позиции людей в поисках истины, что я и попытался сделать.

— «Таланты и полковники» — ваша седьмая пьеса. А каким будет ваш пятый фильм?

— Условное его название — «Обещания». Трехсерийный сценарий для телевидения о студентах и преподавателях сегодняшнего педагогического института. Это — работа всего нынешнего года...

Беседу вел Н. ЛАГИНА.

Воскресные ВСТРЕЧИ МК

П Р А В О Н А К Л Ю Ч

Наш собеседник лауреат Государственной премии СССР драматург Георгий ПОЛОНСКИЙ.

добрый контакт у нас действительно возник. А моей дипломной работой стал сценарий «Доживем до понедельника»...

Вероятно, нет в нашей стране человека, что прошел бы мимо этого фильма, поставленного в 1968 году Станиславом Ростокиным и удостоенного Государственной премии СССР. Героями «Доживем до понедельника» были девятиклассники шестидесятых годов. Сам Полонский — из поколения пятидесятых — о своих сверстниках он говорил в первых двух пьесах. Но, начиная с «Понедельника», все более пристально, углубленно и чутко драматург шел к анализу поколений шестидесятых и семидесятых годов.

— Мне кажется, — задумчиво произносит Полонский, — «шестидесятники» обладали повышенным чувством собственного достоинства, «расщепляясь» на праздоловцев, типа Генки Шестопала, и рационалистов, типа Кости Батищева. Вот как раз в Костях Батищевых, при всей их внешней привлекательности, ощущалась некая приглушенность жизни духовной, что крайне беспокоило меня, да и не только меня... Девятиклассники на экране были разными. И любопытно вспомнить сейчас, что говорили учителя после просмотра фильма: «Дайте нам такой класс, и мы будем не хуже вашего Мельникова!..» Хитрые какие! Архимед тоже грозился землю перевернуть, но обставлял свое рационализаторское предложение такими

к желаемым результатам. Читаясь, например, ребятам Пастернака, Заболоцкого, Светлова и видишь, что кому-то это совершенно, как говорится, до фонаря... И все эти наблюдения, размышления, тревоги — они, конечно, складывались в будущие наброски работы. В частности, в проблематику «Перевод с английского» (сценарий я писал в соавторстве с Натальей Долининой), в пьесу «Драма из-за лирики», из которой затем вырос сценарий «Ключа без права передачи».

— Какие главные проблемы, если, к примеру, взять «Ключ...»?

— Вот хотя бы то, что существуют волюн или неволю «обиженные» учительницей Мариной Максимовной ребята, не входящие в круг созданной ею «лирики». Так каково им? Мысль о них занимает меня постоянно, хотя речь и в пьесе и в фильме шла о защите школьного «лицейского кружка» и персональным импульсом был гимн во славу такой учительницы, как Марина. Но... по ходу работы я стал все отчетливее понимать, что заслуживает Марина не только дифирамбов, но и острого исследования, а в чем-то даже и осуждения. Ведь «кободенные лирики», они начинают ущемляться каждый по-своему. И ребята иные — это «семи-десятники»...

— В чем иные?

— Сейчас еще не могу с полной определенностью сформулировать самобыт-